

ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА ЛИТЕРАТУР (НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX В.)

Кульсарина И.Г.¹

¹ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Уфа, Республика Башкортостан (450076, г Уфа, ул. Заки Валиди, 32), bushedu.ru

В статье рассматриваются особенности и функции художественного перевода как фактора межкультурного диалога литератур. Выявлены виды и принципы переводческих трансформаций на основе сопоставительного анализа исходного и переводного текстов. Отмечаются философская глубина и лиризм переводов на башкирский язык А. Тагировой стихов М. Цветаевой, репрезентативность национально-культурных реалий в стихотворных текстах Р. Гарипова на русском языке. В переводных текстах башкирской прозы (произведений Т. Гариповой, С. Шарипова) на русский язык отмечаются конкретность изложения событий и лаконичность стиля. Выявлена специфика перевода паремнологического фонда и образных выражений с одного языка на другой. Отмечается роль правильного воспроизведения выражений, связанных с историей и культурой этноса, в переводном тексте при раскрытии авторской позиции и освещении идейной проблематики художественного произведения.

Ключевые слова: межкультурный диалог, башкирская литература, русская литература, художественный перевод, переводческая трансформация, национально-культурный компонент

TRANSLATION AS A FACTOR OF INTERCULTURAL DIALOGUE OF LITERATURES (ON THE MATERIAL OF THE BASHKIR AND RUSSIAN LITERATURE OF THE TWENTIETH CENTURY)

¹ Kulsarina I.G.

¹ Bashkir State University, Ufa, Russia (450076, Ufa, street Zaki Validi. 32), bushedu.ru

The article discusses the features and functions of literary translation as a factor of intercultural dialogue of literatures. There are revealed the kinds and principles of translation transformation on the basis of a comparative analysis of the source and target texts. It notes philosophical depth and lyricism of translations of poems by Marina Tsvetaeva into Bashkir by A.Tagirova, the representativeness of the national-cultural realities in the poetic texts of R.Garipov in Russian. In the translated texts of Bashkir prose (works by T.Garipova, S.Sharipov) into Russian marked exposition concreteness of events and laconic style. The specificity of the translation paremiological fund and the figures of speech from one language to another. It notes the role of proper reproduction of expressions relating to the history and culture of the ethnic group in the translated text at disclosing the author's position and coverage of the ideological problems of literary works.

Keywords: intercultural dialogue, Bashkir literature, Russian literature, literary translation, translation transformation, national-cultural component

В межкультурном диалоге литератур особая роль принадлежит переводам художественных произведений на другие языки. Вопросы исследования концепции перевода и его функции в межлитературном процессе остаются все еще недостаточно разработанной областью филологии. Актуальность данной проблемы заключается и в том, что роль перевода как средства интерлингвистической и кросс-культурной коммуникации становится все более значимой в современном поликультурном пространстве, что требует обстоятельного научного исследования [8].

В отечественной науке специфика передачи национально-культурного компонента художественного произведения в переводных текстах рассматривалась в основном в лингвистическом аспекте [2]. К сожалению, научному изучению проблем теории и практики

художественного перевода на материале башкирской и русской литературы до сих пор не уделяется должного внимания, имеются лишь отдельные работы, посвященные башкирско-русскому межкультурному диалогу [5]. Между тем сравнительный анализ художественного перевода с оригиналом помог бы выявить специфику отражения при переводе содержания подлинника, его идейной направленности, пути пересоздания или перевоплощения образов оригинала в процессе переложения на другой язык, принципы передачи национально-культурного пласта иноязычному читателю.

Башкироязычная аудитория знакома с переводами произведений многих русских писателей. Многие известные башкирские писатели признаны как талантливые переводчики. Среди них можно назвать имена Р. Нигмати, Г. Рамазанова, З. Биишевой, Р. Гарипова, Г. Шафикова, Х. Назара, М. Гафурова, Р. Бикбаева и др. В настоящее время переводческая работа в Башкортостане в основном сосредоточена в редакциях журнала «Бельские просторы», «Агидель», газеты «Истоки», в издательстве «Китап».

Художественный перевод является творческим процессом, в то же время мы не должны забывать об ответственности переводчика за корректное и адекватное отражение идеи и проблематики подлинника. Как показывает сопоставительный анализ подлинника и переведенного текста произведений известных писателей XX в., для передачи культурно-исторических реалий наиболее адекватными способами перевода выступают компенсирующие переводческие приемы. Часто обращается к нему известная башкирская поэтесса Аниса Тагирова, работая над стихами Марины Цветаевой. Например, в стихотворении «Красною кистью рябина зажглась...» выражение «Я родилась. /.../ День был субботний: Иоанн Богослов» [10: 152] передано следующим образом: «Шәмбе көнө мине Каршы алған донъя» [7: 253]. В переведенном тексте имя одного из двенадцати христианских апостолов Иоанна Богослова сознательно опущено переводчиком. Башкирскому читателю было бы сложно понять это выражение, связанное с культурой русского народа, и оно потребовало бы дополнительного комментария. Конечно, опущение слов с культурной семантикой несколько снижает когнитивную ценность текста (башкирский читатель получает меньше информации о русской культуре), но не мешает достижению основной функции художественного текста как поэтического [9: 1626]. При переводе стихотворений русских поэтов А. Тагирова старается использовать нейтральные слова, общепонятные башкирскому читателю. Так, в переводном тексте цветаевского стиха «Поэт» строчки: «Он тот, кто спрашивает с парты, / Кто Канта наголову бьет, / Кто в каменном гробу Бастилий / Как дерево в своей красе» [10: 229] имена собственные также не фигурируют. Вместо имени Канта А. Тагирова использует выражение «бөйөк әһелдәр» — великие деятели, а «в каменном гробу Бастилий» переведено как «таш зиндан» — каменная

тюрьма, заточение [7, с. 254]. Тем не менее в башкирских переводах стихи М. Цветаевой не теряют своей философской глубины и эмоциональности, а в некоторых случаях приобретают более обобщенную форму. Так, в последней строчке вышеуказанного сихотворения «Поэтов путь: жзя, а не согревая, / Рвя, а не возвращая — взрыв и взлом – / Твоя стезя, гривастая кривая, / Не предугадана календарем!» [10: 229] слово «календарь» башкирским автором переведено как «язмыш» – судьба («Был һукмактың кайза өзөлөрөн / Әйтә алмай язмыш үзә лә!»), хотя А. Тагирова вполне могла бы использовать слова «календарь» или «дни». Понятие судьбы наиболее полно выражает суть и идею данного произведения, ведь М. Цветаева размышляет именно о предназначении и жизненном пути поэта, о его судьбе.

В своих переводах А. Тагирова стремится передать и композиционную структуру цветаевского стиха. Например, стихотворение «Поэт» открывается двестишием и завершается строфой из девяти строк, а между ними 3 строфы – четверостишия. По внешней форме переведенный текст соответствует своему оригиналу. В то же время разноструктурность башкирского и русского языков и творческая индивидуальность поэта и переводчика, на наш взгляд, наложили свой отпечаток на внутренний ритм стихов. Так, для манеры письма Цветаевой характерны резкость, порывистость, часто фразы прерываются и переходят в следующую строфу: «... Ибо путь комет — / Поэтов путь. Развеянные звенья/ Причинности – вот связь его! Кверх лбом — / Отчаётся! Поэтовы затмения / Не предугаданы календарем» [10: 229]. Переводы А. Тагировой характеризуются плавностью и рифмованностью стиха: «Шағир юлы – кометалар юлы, / Тетрәүзәрзең тере сылбыры. / Календарзар менән билдәләнемәй / Тормошонда низәр булыры» [7: 254].

Перед переводчиком стоит важная задача – правильно донести до иноязычного читателя слова, называемые в науке лингвокультурами, которые в более широком понимании обозначают «комплексную межуровневую единицу», «совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак» [9:1627; 6: 52]. Эти лексемы могут быть представлены только с помощью сносок-комментариев или посредством других слов, близких к ним по смыслу. Так, в стихотворении М. Цветаевой «Что другим не нужно – несите мне... » есть строчка «Птица Феникс я, только в огне пою!», которая была переведена А. Тагировой следующим образом: «Мин – Ыомай-кош, / Уттан кеүәт алам» [7: 265]. Башкирская поэтесса обратилась к названию мифологической птицы Хумай, которая, как и Феникс, считалась волшебной и вещей птицей в башкирском фольклоре. Таким образом, в переводах А. Тагировой большое внимание уделяется передаче душевного состояния лирической героини и идейной составляющей русского подлинника, при этом содержание текста творчески адаптируется к культуре башкирского читателя.

Немного по-другому освещается данная проблема в прозе. Так, в переводе с русского языка на башкирский рассказа Г. Баннова «Сваты» переводчик М. Искандаров сохранил названия христианских праздников *Крещение*, *Сочельник*, как в оригинале, и дал к ним пояснения в примечаниях к тексту [1: 86]. Такое же явление встречается и в переводном тексте романа Т. Гариповой «Буренушка» на русский язык. Так, в нем часто фигурируют национальные термины родства «апай», «карындаш», «инэй», «килен», «езне», «кайны», «бабай», которые придают своеобразный колорит переведенному тексту, где происходившие события в стране показаны через судьбы отдельных башкирских семей. На страницах романа даны к ним пояснения в сносках. Между тем переводчик романа-эпопеи М. Гафуров старается не загружать текст национальной лексикой, используя только те слова, которые связаны с материальной и духовной культурой башкирского народа (*буза*, *иблис*, *корот*). Авторизованный перевод на русский язык романа «Буренушка» отличается информативностью и в то же время лаконичностью. Ключевым фактором успеха переводчика можно считать его билингвизм, что помогло выразить идею и эмоции, изначально заложенные автором в произведении.

Как отмечают исследователи, в процессе своей работы переводчик должен нейтрализовать лингвоэтнический барьер и предотвратить нарушение смыслового восприятия, не допустив национально-культурной ассимиляции перевода, чтобы «партнер не потерял в процессе коммуникации своей национально-культурной идентичности» [6: 21]. Для ее успешного выполнения переводчику необходимо владеть определенным набором переводческих модификаций и трансформаций, в том числе ему приходится добавлять в текст перевода дополнительную информацию поясняющего характера либо использовать примечания. Особенно это необходимо при репрезентации топонимов, которых «отличает строгая региональная принадлежность. С одной стороны, географическое наименование передает значимую информацию экстралингвистического характера, а с другой — делает эту же информацию закрытой для «непосвященных», не владеющих необходимыми фоновыми знаниями, которые концентрируются в ономастической лексике» [8: 215]. Как показывает анализ стихотворений Рами Гарипова в переводе Я. Серпина, многие реалии в них используются с пояснениями, чтобы русскоязычный читатель смог постичь всю глубину мыслей и переживаний поэта: «И высь над Куткантау прояснится / И камни, что слоями залегли, / Как древней книги вещие страницы, / Тебе откроют прошлое земли» (Куткантау – гора в Башкирии) [4: 100], «И, горы оседлав, к знакомым долам / Не устает мой Аркаул скакать» (Аркаул – название аула) [4: 121]. Если переводчик не сохранил бы первоначальные названия произведений «Суюнчэ» и «Аманат» Р. Гарипова, то, думается, ключевая идея их содержания не дошла бы до читателя. Так, «Аманат», означающее на башкирском языке

завещание предков молодым, повествует о преемственности духовных ценностей и нравственных основ, а «Суюнчэ», посвященное труду хлебороба, наполнено надеждой на хороший урожай. Завершается стихотворение оптимистическим финалом: «Мы сеем звезды, всходы ожидая, / И встанут всходы, людям взор слепя. / — Пляши, агай! – скажу тебе тогда я / И суюнчэ потребу с тебя» [4: 150]. Суюнчэ – это подарок человеку, принесшему добрую весть.

Большую роль в создании полноценного художественного перевода играет правильное воспроизведение сравнений, метафор, метонимии, эмоционально-экспрессивных слов и других художественно-изобразительных средств языка, так как они отражают национальные особенности культуры определенного этноса [8; 9:1627]. Из цикла «Стихи к Блоку» первые строчки стихотворения «У меня в Москве – купола горят, / У меня в Москве – колокола звонят» переведены А. Тагировой как «Дан Мэскәүемдә – көмбәззәр нурлы. / Дан Мэскәүемдә – кыңғыраузар сыңы». Автор добавляет эпитет «дан(лы)» («славный») к названию столицы, что наполняет стихотворение некой торжественностью и величавостью. В то же время в последней строфе «Но моя река – да с твоей рекой, / Но моя рука – да с твоей рукой / Не сойдутся, Радость моя, доколь / Не догонит заря – зари» [10: 166] обращение «радость моя» в башкирском переводе опущено, что, на наш взгляд, объясняется тем, что такие выражения не столь характерны для башкирского речевого этикета.

Нередко конкретное в переводе передается через обобщенные понятия. Так, цветаевская фраза «В мое окно дождь стучится. / Скрипит рабочий над станком» [10: 3] в цикле «Стихи к Сонечке» переведена А. Тагировой «Тәзрәмә ямғыр шакый, / Керә урам шау-шыуы» [7: 262] или же в строчках «Вчера еще до птиц сидел, — / Все жаворонки нынче – вороны!» [10: 217] слово «жаворонки» переведено «таң коштары» — «утренние птицы»: «Кисә таңды көттөң. / Таң коштары / Бөгөн әйләнгәнме козғонға?» [7: 258].

Как известно, к переводу поэзии предъявляются строгие требования. Он должен не только воспроизводить содержание, но и стремиться к воспроизведению ритмических и метрических особенностей, сохранению количества и принципа чередования строк. Вышеуказанное явление в башкирском переводе связано и с этим фактором.

В некоторых случаях наблюдается сокращение или опущение образных выражений в русском переводе. Например, в экспозиции рассказа С. Шарипова «Воришка» при переводе Ф. Хакимовым на русский язык отсутствуют выражения, описывающие внешность героя: «По тихой улице идет человек. На вид ему лет сорока. День заметно прохладен. Ядреный ветерок треплет полы его светлого плаща и густые с проседью волосы» [11: 100] – «Ғил урамдан берәү азымлай. Көн апарук һалкынса, ә ул яланбаш, мамык кәпәсен портфеленә куша тоткан. Еңелсә ағарған калын ғына сәстәрен ара-тирә башын саңкайтып буш кулы

менән уңлы-һуңлы һыпырғылап кую. Зәңгәрһыу плащының изеүзәре асык, сабыузырын өшәнес ел сая ғына каккылай. Тәсә-сырайына карап, кырк тирәһен биреп була үзенә» [12: 263]. Как видим, авторское изложение намного богаче художественными деталями. В большинстве случаев переводчики стремятся передать идею и содержательную сторону подлинника. Это сказывается и в переводе названий произведений. Так, рассказ С. Шарипова «Сифандар (Цыгане)» переведено как «Цыганская песня». Действительно, кульминационным моментом произведения является исполнение Янушем под гитару раздирающей душу цыганской песни. А рассказ «Егет йөрәге (Сердце парня)» озаглавлено как «Ханыга». Один из персонажей рассказа Раис так обозвал Камиля, который, несмотря на свои физические недостатки, старался помочь в коллективном деле во время уборки урожая в колхозе. Этот ханыга, по словам Раиса, бездельник, оказался парнем с большим сердцем. Свое увечье он получил при спасении пожилого человека от воров. Однако, на наш взгляд, башкирское название рассказа наиболее точно передает идею произведения. В рассказе С. Шарипова умело использованы пословицы и поговорки. При переводе башкирского паремиологического фонда переводчик А. Орбелина находит русские эквиваленты, с достаточной точностью передающие их семантику. Например: «*Бүкән менән борсак бешмәне*» — «*Гусь свинье не товарищ*»; «*Май сүлмәге тышынан билдәле*» — «*Птицу видно по полёту*».

Таким образом, литературный перевод призван показать и открыть все разнообразие авторской речи, богатство мысли и своеобразие его стиля. Исследование переводов произведений известных мастеров слова и их научно-критический и сопоставительный анализ способствуют более глубокому осознанию некоторых сторон оригинала, пониманию культурных ценностей и менталитета народа.

Список литературы

1. Баннов Г. Е. Сваты // Агидель. – 2002. – № 2. – С. 86–102 (перевод с рус. яз. М. Искандарова).
2. Галина Р.А. Передача национального своеобразия в художественном переводе с башкирского языка на русский. Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2000. – 159 с.
3. Гарипова Т. Х. Буренушка. Роман-эпопея. Авторизованный перевод с башк. языка М. Гафурова. – Уфа, 2009. – 696 с.
4. Гарипов Р.Я. Возвращение: Стихотворения и поэма. Пер. с башк. Я.Серпина. – М.: Современник, 1981. – 174 с.

5. Кульсарина И.Г. Межкультурный диалог в творчестве современных русских писателей Башкортостана // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 2. – С. 543–546.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. – М.: Академия, 2001. – С. 60–78.
7. Тагирова А.А. Цветок Вселенной: сонеты, поэмы, стихи, переводы. – Уфа, 2001. – 296 с. (на башк. яз.).
8. Фаткуллина Ф.Г. Топонимическая лексика как отражение национальной языковой картины мира// Материалы II Международной научной конференции «Социальное развитие и общественные науки» /«European Social Science Journal». – 2014. – № 3. – Т. 1. – С. 212–225// <http://mii-info.ru/> (дата обращения: 21.07.2015).
9. Фаткуллина Ф.Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 3(1). – С. 1626–1627.
10. Цветаева М. И. Поэмы. Стихотворения. – Уфа, 1987. – 288 с.
11. Шарипов С.Н. Старозимовье. Повести, рассказы, новеллы, миниатюры. – Уфа, 1995. – 240 с.
12. Шәрипов С.Н. Аҡ кулсатыр. Повестар, хикәйәләр, хикмәттәр һәм мәзәктәр. – Өфө, 1998. – 488 б.

Рецензенты:

Фаткуллина Ф.Г., д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г. Уфа;

Ахмадиев Р.Б., д.ф.н., профессор кафедры журналистики, декан факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета, г. Уфа.